

Стыдобушка

Сегодня мы все чаще говорим о нашем достоинстве — гражданском, национальном, да просто человеческом... Но почему же униженным нередко чувствует себя советский человек, попадая за рубеж?

Он схватил меня за руку и сказал: «Давай утюг».

«Экскюз ми плиз», — ответила я, оттолкнув его. «Давай шампань», — не унимался он.

И так — почти в каждой лавке: хватала, просили, меняли... Я долго не могла понять, почему индийские лавочники безошибочно видят во мне русскую и откуда они научились русским словам? Это была улица Калабу в Бомбее. Улица с торговыми рядами лавок, на которую мы, наконец, вырвались после трудной и плодотворной работы. Программа в Бомбее была насыщена до предела, каждая минута на счету. Спать приходилось иногда 3—4 часа в сутки. А дальше — новые города, там вообще не предвиделось свободного времени. Поэтому нужно уложиться в один час.

Мы бежали с сумасшедшими глазами — обдумывать некогда, что лучше, что подешевле. За считанные минуты много не надумаешь, а тут еще хватают тебя со всех сторон и слышишь только одно: «Давай ченч».

Во многих лавках на полу, на стульях, в углах лежали наши, отечественные, утюги, кофемолки, фотоаппараты и даже шипцы для завивки волос. Стояли батареи шампанского. «Шампань» для индийцев — это роскошь. Откуда все это? Ответ прост: в тот день в Бомбее соединились две большие группы участников фестиваля СССР в Индии. В общей сложности — более 500 человек. Улица же Калабу это полтора-два километра сплошных лавок.

Еще в Москве, перед отъездом, нас инструктировали: не брать с собой больше одной бутылки шампанского. Почему? Я не пьющая. Но я — русский человек, у меня щедрая душа: хочу угостить друзей, зарубежных коллег, с которыми неминуемо знакомимся в поездках.

У меня пятеро родных сестер и один брат. Кроме этого — дети. Они не просят меня ничего привозить из-за границы, но так уж мы устроены, и нас не переделать, да и надо ли? Я лично испытываю истинное счастье от того, что кто-то ждет моего приезда. А сколько радости, когда удается всем, без исключения, что-то вручить на память о поездке!

Но денег зачастую выдают только на «пепса-колу». Что же делать? Вот и идут в ход изобретения и фантазии по «сдаче» и по «ченчу». Вот поэтому и схватил меня лавочник, прося утюг или «шампань».

И стыдно мне за все это: такими нас видят. Нас, советских. Стыдно и больно за моих милых туристов и артистов, за членов делегаций фестивала. Обидно за мою страну, землю, которая подарила миру Пушкина, Толстого, Чайковского и Глинку, Шалапина и Гагарина.

Я объехала весь мир и знаю, что только нас, советских людей, ставят в такое униженное положение наши же инструкции.

Почему, по какому закону

Конституции мы свои заработанные деньги не можем поменять для поездки за границу? Это мой труд, пот и слезы, которые неизбежны в моей трудной профессии. Почему вдруг за границей они не представляют никакой ценности? Почему же иностранцы провозят с собой денег столько, сколько им требуется?

Конечно, у таможи должны быть свои правила. Но должна же быть предусмотрена реальная сумма для обмена и для питания. Реальная, а не смехотворная. Говорят, что наш рубль не имеет авторитета в мире. Хуже будет, если наш строй, наш советский человек не будет в мире иметь авторитета. Убеждена, что валютные траты на туризм и командировки ничтожны в общем внешнеэкономическом обороте страны. Экономика здесь, мы несем неисчислимый урон в мировом общественном мнении.

В Америке мне все время что-то пихали в руки: то косметичку, то какую-то тряпку. Я говорила, что мне не нужно, у меня все есть, но мне отвечали: «Вам же денег дают мало, вы ничего не сможете купить!» Все знают, что нам мало дают денег, только одни мы предпочитаем этого не замечать.

Приезжаю в Югославию. Иду в гости к очаровательной Радмиле Караклаич. Для нее подарок нашелся, а для сына нет. Я быстро побежала в белградский магазин купить что-то сыну Радмилы.

Без тени стеснения, продавщица на ломаном русском языке стала просить у меня кашемировый павлово-посадский платок. Не буду описывать весь наш диалог. От нее я узнала, что им надоели эти русские. Все они везут ужасных мазаных деревянных матрешек, ложки и значки, а ей, видите ли, надо платок и маленький телевизор...

И вот когда Радмила приехала в Москву и нанесла мне ответный визит, я спросила, чем могу быть ей полезна и надо ли ей помочь с деньгами. Она изумленно посмотрела на меня, сказав при этом, что денег она может поменять столько, сколько ей нужно на нужды в Москве.

Да, ни у кого нет с этим проблем, только у нас.

Я не могу дать марку, рублик, доллар лифтеру, горничной, носильщику моих тяжелых чемоданов, где только один костюм весит 5 кг, а их берешь несколько. Я не могу выпить лишнюю чашку кофе в кафе, не говоря уж о том, чтобы кого-то угостить...

Обслуга всех отелей мира, дорогих и менее дорогих, знает о нас все, даже больше, чем мы думаем. Мы упорно, как страусы, зарываемся головой в песок, и думаем, что ничего не видно и никто ничего не знает.

Почему за границей мы становимся такими покорными, заискивающими? Боимся кого-то обидеть. Боимся сказать слово: «НЕТ». Я могла бы привести десятки случаев нашего унижения. Это при всем при том, что концерты

наши всегда проходят с огромным успехом. Зрители посмотрили концерт и ушли, а общаться целыми днями приходится с другими людьми, а они, как правило, распускают о нас мнение другое. Они знают, что мы рот не раскроем, возмущаться нам нельзя.

Идем в ресторан на обед. Нас сажают в темном углу. В лучших местах с выходом в сад сидят американцы, англичане, японцы.

Метрдотель нас не видит — он «рассыпается» перед ними. Я немного опоздала, обратилась к нему с просьбой показать, где русская группа. Он небрежно указал мне и тут же отвернулся к своему коллеге и стал говорить на английском языке о нас гадости.

Мне хотелось одернуть его, закричать, но мне НЕЛЬЗЯ, я не имею права, ибо нас все время перед отъездом пугают, лишая любой инициативы: «Будете проявлять недовольство, снимем с поездки, отправим домой».

Как же не могут понять люди, что остаться дома и не выезжать — это не наказание. Да, хочется поехать, посмотреть другие народы и государства, но перед отъездом ты проходишь через такую пытку, что лучше бы и не ехать. Поездка иногда у человека 3—5 дней, а его, бедного, месяцами, таскают по кабинетам и задают ему такие абсурдные вопросы, которые никогда никто за границей не задаст, никто никогда с нами на эти темы разговор не заведет. Слава богу, в соцстраны сейчас эту процедуру выезда упростили, но это только первый шаг, должны быть и следующие...

Однажды мы возмутились: нас после концерта привели ужинать в помещение, в котором не было не то что столов, но даже стульев всем не хватило! «Как вам не стыдно», — сказали мы, не выдержав, и показали на сидевшего с блюдом на корточках человека, — ведь это народный артист Советского Союза!»

Все изменилось молниеносно, как в сказке. Вы бы только видели, как последние два дня они старались услужить нам!

24 человека нашей группы артистов валились от усталости. Некоторым было плохо. Температура воздуха +34°.

Вместо зала, как нам обещали, нас повезли выступать на 60-тысячный стадион. Что могут сделать на стадионе два десятка человек, когда он рассчитан на многочисленные зрелища? Даже режиссеру программы Валерию Жаку пришлось играть в артиста. С триумфом, не побоюсь этого слова, завершился наш концерт. Выдержали!

В мыслях одно: в отель — и спать, только спать. Завтрашний день будет еще тяжелее. Но нет! Мэр какого-то райончика захотел с нами по-чаевничать. Не знаю, нужно ли в таких случаях ублажать одного человека с его свитой в ущерб здоровью 24 человек? В ущерб завтрашнему концерту? Да, нам нужны контакты, но мы должны это делать не в ущерб себе и нашему святому делу, пропаганде русского искусства за рубежом.

У нашего государства сейчас масса проблем. Так вот — эта, полагаю, в ряду важнейших.

Екатерина ШАВРИНА,
певица.